

СИМОЯНОВ Алексей Вячеславович — аспирант Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (119571, Россия, г. Москва, пр-кт Вернадского, 82, стр. 1; labor1985alex27@gmail.com)

СОЦИАЛЬНЫЙ КРИЗИС КАК УГРОЗА ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

Аннотация. Взаимная зависимость экономики, социальной сферы и политики порождает ситуацию, когда кризис экономики и последующее ухудшение уровня жизни граждан создает угрозу для существующей в стране политической системы. Российская политическая система, в основе стабильности которой долгое время лежало перераспределение общественных доходов от выгодной внешнеэкономической конъюнктуры через механизмы государственных социальных расходов, столкнулась с вызовом затяжной экономической стагнации. Новая ситуация в экономике и социальной сфере требует от властвующей элиты переосмысления понятия политики и новой стратегии во взаимоотношениях власти и общества.

Ключевые слова: политическая система, социальная политика, патернализм, кредо социальной ответственности, общественный диалог

По аналогии с знаменитым экономическим уравнением Фишера политический процесс можно представить в виде взаимозависимого соотношения базовых сфер общества: экономической, социальной и политической. Так, устойчивый экономический рост в стране создает предпосылки для успешного социального развития общества, преодоления бедности, неравенства, повышения качества жизни, а это в свою очередь дает возможность упорядоченных, предсказуемых отношений в политическом пространстве, в конкурентной борьбе за власть. И рассматривая вопрос от обратного, провал в экономике с последующим ухудшением социальной ситуации в обществе создает ситуацию, которая способствует политической радикализации борющихся за политическую власть и влияние сил. Такая радикализация в свою очередь создает вызов существующей политической системе, который может окончиться ее радикальной трансформацией или развалом. Именно так представлено соотношение политического и общественного в исследовании Самюэла Хантингтона «Политический порядок в меняющихся обществах» [Хантингтон 2004: 115]. В подтверждение подобной теории мы можем обратиться к историческим кейсам вроде распада Югославии, трансформации Веймарской республики в Третий рейх, серии революционных событий, известных как Арабская весна, т.к. все перечисленные события стали следствием длительной экономической стагнации, переходящей в социальный кризис, а затем и в политический. Итог последнего — полный распад политической системы, крушение существующих режимов власти или их тоталитарное переформатирование в зависимости от национальной специфики или исторических обстоятельств.

Выше были приведены крайние случаи зависимости состояния экономики, социальной сферы и политики, однако даже в более мягком варианте мы не можем не отметить, что экономический кризис вместе с усиливающимся падением доходов населения, как минимум, способствует смене правящих лиц в правительственных кабинетах, что не является проблемой в странах с развитыми демократическими конкурентными институтами, но в России с существующей сложной системой клановых, патрон-клиентских отношений, пронизывающей систему власти и политики по вертикали сверху вниз, может стать гораздо более существенной проблемой. Заложенная в российскую политическую систему проблема представительства социально-групповых интересов, обратной связи властвующей элиты и низших классов, легитимности властных институтов тре-

бует анализа того, как социальные последствия экономического кризиса могут отразиться на политическом базисе российских общественных отношений.

Успешная социальная политика как фактор политической стабильности

В последние 15 лет развития политического процесса основными его характеристиками считаются устойчивость, стабильность и предсказуемость. Такой вывод можно сделать не только в связи с отсутствием масштабных кадровых перемен в высших эшелонах властвующей элиты страны, регулярными победами правящей партии «Единая Россия» на выборах, но и ввиду отсутствия социальных потрясений, какими могли бы стать массовые протесты, силовые противостояния общественных сил, характерные для России в момент развала СССР и первых лет шоковых рыночных реформ. В комплексе причин стабилизации политического процесса важное место имеет фактор развития социальной политики, наблюдаемый в России с начала нулевых, особенно после 2005 г. Начавшийся рост денежных доходов населения, запуск ряда успешных социальных программ, например таких, как материнский капитал, выделение земельных участков многодетным семьям, компенсация части расходов на ЖКУ малообеспеченным категориям граждан, социальные доплаты к пенсии, дополнительные меры социальной поддержки ветеранов войны, активное позиционирование имиджа власти как проводящей социально ответственную политику, позволили существенно укрепить рейтинг доверия президенту, правительству РФ и основным государственным институтам [Между выборами... 2008: 22]. Это позволило ряду исследователей говорить о своеобразном социальном контракте: политическая лояльность в обмен на стабильный социальный курс [Кагарлицкий 2013: 37].

Вместе с тем появление такого «кредо социальной ответственности» загнало власть в узкие границы коридора возможностей, т.к. общество, живущее в условиях социального оптимизма, продолжало ждать перемены к лучшему, особенно в связи с тем, что для значительных категорий граждан (около 40% населения) существенные перемены не произошли даже в «сытые нулевые годы» [Ясин 2011: 86]. Социологические опросы основных центров изучения общественного мнения показывают, что социальная проблематика была и остается уверенным первым номером для большей части общества. Так, 53% населения считает бедность острой общественной проблемой¹; рост цен, безработицы и обнищание населения относится к числу трех самых существенных проблем с точки зрения населения²; 54% граждан испытывают боязнь перед угрозой роста цен и обнищания широких слоев населения³; а основной претензией общества к правительству (мнение 55% опрошенных) является именно неспособность последнего справиться с ростом цен и падением доходов населения⁴. 62% граждан считают борьбу правительства с бедностью неэффективной⁵; 66% граждан отмечают рост бедности в стране за истекшие пять лет⁶.

¹ Насколько остро в России сегодня стоит проблема бедности. Опрос ВЦИОМа от 02 марта 2014 г. Доступ: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=951&q_id=65302&date=02.03.2014 (проверено 24.12.2015).

² Экономическое самочувствие и наличие сбережений. Опрос Левада-Центра от 21 августа 2015 г. Доступ: <http://www.levada.ru/old/31-08-2015/ekonomicheskoe-samochuvstvie-i-nalichie-sberezhenii> (проверено 23.12.2015).

³ Инфляция, экономический кризис, потребление. Опрос Левада-Центра от 23 января 2015 г. Доступ: <http://www.levada.ru/old/02-02-2015/inflyatsiya-ekonomicheskii-krizis-potreblenie> (проверено 23.12.2015).

⁴ Тревожащие проблемы и претензии к правительству. Опрос Левада-Центра от 20 февраля 2015 г. Доступ: <http://www.levada.ru/old/16-03-2015/trevozhashchie-problemy-i-pretenzii-k-pravitelstvu> (проверено 23.12.2015).

⁵ Усилия российских властей по борьбе с бедностью. Опрос ВЦИОМа от 02 марта 2014 г. Доступ: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=951&q_id=65303&date=02.03.2014 (проверено 24.12.2015).

⁶ Пресс-выпуск № 2944. Опрос ВЦИОМа от 02 марта 2015 г. Доступ: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115416> (проверено 24.12.2015).

Социальные требования в условиях экономического кризиса

Экономический кризис в России, ставший явным в декабре 2014 г., после стремительной девальвации рубля и принятия правительством пакета антикризисных мер (хотя отрицательную динамику роста экономика показывала уже с IV квартала 2012 г.¹), не стал исключением в отношении падения доходов населения, усложнения ситуации на рынке труда и постепенного сокращения государственных социальных расходов. В течение 2015 г. число россиян, живущих за чертой официально установленного прожиточного минимума, увеличилось с 19,8 млн чел. (13,8% населения) до 22,9 млн чел. (15,9%)². При этом было зафиксировано падение доходов населения на 5,4%, заработной платы в реальном выражении – на 9%, на 11,3% выросла задолженность по зарплате³. Безработица пока выросла незначительно, приблизительно на 180 000 чел.⁴

Усугубляющим фактором для населения стало снижение объемов государственных социальных трансфертов. Подобные мероприятия оказались запланированными уже в 3-летнем бюджете на 2013–2016 гг., в частности, предусматривалось сокращение общих бюджетных расходов на образование с 5,4% до 3,9% (по доле в ВВП – с 1% до 0,7%), на здравоохранение – с 3,8% до 2,6% (по доле в ВВП – с 0,8% до 0,5%), на социальную защиту – с 30,8% до 29,7%. Однако усиление кризисных тенденций начиная с 2014 г. повлекло дополнительное урезание ряда социальных программ, таких как индексация пенсий, выплата надбавок сельским педагогическим работникам, развитие системы здравоохранения и дошкольного и профессионального сегментов образования. К сокращению социальных расходов постепенно приступают регионы: по стоянию на I квартал 2015 г. 26 регионов сократили расходы на образование, 22 региона – расходы на здравоохранение и 16 – на социальную защиту населения [Зубаревич, Горина 2015: 23–25].

Важно отметить, что ухудшение социально-экономической ситуации в стране не осталось незамеченным. Так, по данным Левада-Центра, 51% населения страны фиксируют ущемление своих прав на медицинскую помощь, социальную защиту, жизненный уровень, 41% населения – ущемление права на бесплатное образование, равный доступ к образованию, 37% – на хорошие условия работы и справедливую оплату труда⁵. 55% граждан не удовлетворены качеством российской системы образования⁶, 64% – российской системы здравоохранения⁷.

Политика выходит на первый план

Итак, система, существующая за счет роста объема ресурсов с их последующим перераспределением в пользу широких слоев общества, оказалась под угрозой

¹ Никитинский Д. 2013. Экономист Михаил Хазин заявил, что рост российской экономики сменился падением еще в середине 2012 года и в стране идет экономическая депрессия. – *sibnovosti.ru*. 26.04. Доступ: <http://fed.sibnovosti.ru/business/234112-ekonomist-mihail-hazin-zayavil-chto-rost-rossiyskoy-ekonomiki-smenilsya-padeniem-esche-v-seredine-2012-goda-i-v-strane-idet-ekonomicheskaya-depressiya> (проверено 24.12.2015).

² 2015. Число бедных в России в январе-сентябре выросло на 2,3 млн. – *INTERFAX.RU*. 10.12. Доступ: <http://www.interfax.ru/business/484300> (проверено 24.12.2015).

³ Гришина Т. 2015. Статистика дна. Росстат оценил ноябрьскую экономику. – *Коммерсант.ru*. 17.12. Доступ: <http://www.kommersant.ru/doc/2879466> (проверено 24.12.2015).

⁴ Загорский А. 2015. Повышение безработицы – результат адаптации компаний к кризису. – *Коммерсант.ru*. 15.12. Доступ: <http://www.kommersant.ru/Doc/2877726> (проверено 24.12.2015).

⁵ Наиболее важные и ущемляемые права. Опрос Левада-Центра от 05 декабря 2014 г. Доступ: <http://www.levada.ru/30-01-2015/naibolee-vazhnye-i-ushchemlyaemye-prava> (проверено 23.12.2015).

⁶ Удовлетворенность системой образования. Опрос Левада-Центра от 22 августа 2014 г. Доступ: <http://www.levada.ru/18-09-2014/udovletvorennost-sistemoi-obrazovaniya> (проверено 23.12.2015).

⁷ Удовлетворенность системой здравоохранения. Опрос Левада-Центра от 22 августа 2014 г. Доступ: <http://www.levada.ru/17-09-2014/udovletvorennost-sistemoi-zdravookhraneniya>

вследствие зависимости от неблагоприятной внешнеэкономической конъюнктуры. С угрозой такого масштаба эта система столкнулась впервые, т.к., например, кризис 2008–2009 гг. оказался скоротечным и развивался на фоне избытка финансовых резервов, тогда как текущий кризис характеризуется затяжным характером и уже привел к исчерпанию значительной части запасенных в годы роста денежных запасов. Исчерпание утилитарных ресурсов ставит перед властвующей элитой задачу переключивания акцентов на иные ресурсы власти. Такие ресурсы могут иметь силовой либо идеологический характер. Однако перспективы обоих вариантов развития не равнозначны. Так, использование силы требует легитимности институтов власти и принуждения, т.к. «голое насилие» может привести к усилению сопротивления. Крайне сомнительным является тезис, что существующая административно-политическая система эту легитимность имеет и что она настолько сильна, что доверие общества будет сохраняться даже в условиях очевидного кризиса отношений власти и общества. Что же касается идеологической составляющей, то данный компонент власти так и не был использован за все постсоветские годы. Разговоры экспертов и политиков о том, что России нужна идеология, пусть не в тоталитарном формате, но хотя бы в виде базовых ценностных концептов, разделяемых большей частью общества, имели место давно, однако все конкретные проекты такой идеологии («суверенная демократия», консервативное крыло «Единой России») так и не получили широкую популярность в обществе.

Невозможность для правящего класса положиться на силовые ресурсы решения проблемы и отсутствие общеразделяемого идеологического обоснования его господства в условиях сокращающихся объемов ресурсов требует новых решений и новой парадигмы управления. Не затрагивая техническую плоскость проблемы, важно отметить, что данная ситуация создает предпосылки для трансформации понятия «политического» в нашей стране и возврата к традиционному политологическому определению политики, восходящему еще к временам Аристотеля, – как диалогу, сотрудничеству, кооперации между членами одного общества в согласовании своих интересов. Избыток ресурсов, наблюдаемый в России в нулевых годах, позволил уйти от классического представления о политике в пользу практики авторитарно-патерналистского распределения сверхдоходов от экспорта углеводородного сырья. Теперь же, когда ресурсов на всех уже не хватает, власти придется вступать в диалог с обществом, разъясняя свою позицию, выбирая ключевые направления поддержки (основные социальные группы и отрасли хозяйства), ища в политическом поле не только исполнителей принятых сверху решений, но и автономных, независимых союзников в их реализации.

Безусловно, это не значит, что власти стоит отказаться от социальной политики вовсе. Напротив, открывшись для дискуссии со стороны общества, действуя без отрыва от потребителей социальных услуг, государство сможет более эффективно определять механизмы социальных расходов с точки зрения реального позитивного эффекта. Вместе с тем тот патернализм, что раньше был практикой, вполне может уступить место социальному государству как научной парадигме, своего рода идеологии, пользующейся поддержкой большей части общества, служащей элементом национального единства и политического консенсуса.

Подобный вариант не является единственно возможным и правильным, однако именно в новом, забытом с начала нулевых годов открытии политики как поля общественного диалога заключается наиболее приемлемый общественный ответ на вызов экономической стагнации.

Список литературы

Зубаревич Н.В., Горина Е.А. 2015. *Социальные расходы в России: федеральный и региональные бюджеты*. М.: НИУ ВШЭ. 63 с.

Кагарлицкий Б.Ю. 2013. Жить в России. Социальное благосостояние российского населения в исторической перспективе. — *Левая политика*. Аналитический журнал. № 20.

Между выборами и забастовкой (под ред. А.В. Очкиной, Б.Ю. Кагарлицкого). 2008. — *Левая политика*. Аналитический журнал. № 3-4.

Хантингтон С. 2004. *Политический порядок в меняющихся обществах*. М.: Прогресс-Традиция. 480 с.

Ясин Е.Г. 2011. Уровень и образ жизни населения России в 1989–2009 годах: доклад. — *Материалы XII Международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества*. Москва. 5–7 апреля 2011 г. (рук. авт. колл. Е.Г. Ясин). М.: ИД ВШЭ.

SIMOYANOV Aleksey Vyacheslavovich, postgraduate student of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (bld. 1, 82 Vernadskogo Ave, Moscow, Russia, 119571; labor1985alex27@gmail.com)

SOCIAL CRISIS AS A THREAT TO POLITICAL STABILITY

Abstract. The interdependence of economic, social and policy spheres creates the situation where the economic crisis and the decline in living standards of citizens threaten the national political system. The Russian political system, which stability was based on redistribution of income from favorable foreign economic trends through the mechanisms of public social expenditure, now has faced the significant threat of the prolonged economic stagnation. This new situation in economy and social sphere requires rethinking of the concept of policy and a new strategy in the relationship of government and society.

Keywords: political system, welfare policy, paternalism, credo of social responsibility, social dialogue

АЛИГАДЖИЕВА Мадина Алиевна, соискатель Южно-Российского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70; aligad_m@mail.ru)

КРИТЕРИИ ОБНОВЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН

Аннотация. Статья основана на анализе первичных социологических исследований, проведенных автором в Республике Дагестан в 2013–2015 гг. Результаты исследований позволяют более четко увидеть критерии формирования политической элиты в республике Дагестан. Первые исследования, проведенные в 2013 г. в период смены главы республики, были посвящены ожиданиям дагестанцев. Несмотря на то что с тех пор в республике была проведена большая работа по борьбе с коррупцией, результаты новых опросов отчетливо показали, что главными критериями вхождения в политическую элиту все еще являются связи и деньги. Таким образом, механизмы обновления элиты в основном обусловлены личными интересами и не имеют выраженного качественного измерения.

Ключевые слова: политические элиты, формирование, регион, исследования, кланы, элитогенез

Процессы обновления элиты и частая смена чиновников и депутатов на Кавказе не имеют ярко выраженного качественного измерения и в основном обусловлены личными или узкогрупповым интересами [Алигаджиева 2014а].